

Карпу Васильевичу Ефимову, краеведу Семёновского уезда, не давала покоя мысль: отыскать всех сгинувших в страшной мясорубке ежовского времени. Мне посчастливилось встретиться с ним, что я считаю подарком судьбы. Это был чистейший и светлейший человек, к сожалению, уже ушедший из жизни. Полвека была неизвестна судьба семёновского поэта Бориса Корнилова, расстрелянного в застенках НКВД. Ефимов шёл по следу своего земляка, получил разрешение посетить Государственный Архив в городе Горьком, затем предстояла поездка в управление КГБ Ленинградской области, где он смог, наконец-то, узнать подробности ареста поэта. Он собирал материалы о репрессированных, хранившиеся в Государственном Архиве в городе Горьком и в управлении КГБ Ленинградской области. Краевед стал хранителем информации. Он предоставил мне собранные документы, результаты его исследований, которые я использовала при написании повести «От нищеты до нищеты»².

Ефимов много уже отыскал документов, но основной материал – Дело репрессированного поэта было для него недоступно. Помог случай.

² Галина Белгалис. Любовь на ладони. Чебоксары: ИПК «Чувашия», 2010, с. 3–158.

В 1989 году Карп Васильевич увидел человека в генеральских погонах. Значок Депутата Верховного совета СССР красовался на его кителе. Это был Иван Иванович Гореловский.

– Я могу вас спросить? – обратился Карп к военному. – Я собираю краеведческий материал своего семёновского уезда, ищу военных в высших офицерских чинах.

– Я учился в той школе, – генерал махнул рукой в сторону, – закончил здесь семь классов, потом окончил семёновский техникум и поступил на службу, где и служу по настоящий день.

Генерал долго разглядывал Карпа и, улыбнувшись, по-военному отрапортовал:

– У Вас есть трудности в вашей нужной и важной работе? – спросил он просто.

– У нас в городе Семёнове родился известный поэт, Борис Петрович Корнилов. В 1937 году его арестовали, с тех пор о нём ничего не известно. Я несколько писем писал в Главное Управление КГБ города Ленинграда. Ответы приходили отрицательные. Я не могу получить Дело нашего поэта, Бориса Корнилова, – Ефимов разволновался, чувствуя душой, что сейчас он стоит ближе к тайне поэта, чем когда либо.

– Я вам помогу узнать судьбу вашего земляка, – чётко ответил генерал.

Эта встреча произошла 9-го ноября 1989 года. Через три дня генерал сообщил Карпу, что 30 ноября его ждут в Ленинграде в Областном управлении КГБ. В Ленинграде он позвонил по телефону из приёмной; его попросили немного подождать. К нему спустился человек и проводил прибывшего в управление КГБ. Усадив мужчину, молодой офицер открыл дипломат и протянул Ефимову папку с Делом Бориса Корнилова.

Ефимов, рассказывая мне об этом, вспоминал, что у него тряслись руки, на глаза наворачивались слёзы, а сердце выпрыгивало от радости: наконец-то, он держит в руках все тайны любимого поэта-земляка. Генерал выполнил своё обещание! Карп Васильевич вздохнул, перебирая в памяти, как чётки, все события жизни выдающегося поэта, его земляка, сгинувшего в страшном времени.

Справка: В 1925 году Борис Корнилов работал в Семёновском уездном комитете РЛКСМ инструктором по пионерской работе. 8 сентября 1925 года уком РЛКСМ принимает решение № 513: «В Нижегородский губернский комитет РЛКСМ. Семёновский уком РЛКСМ просит губернский комитет ходатайство-

вать перед Ленинградским губернским комитетом РЛКСМ о принятии на учёт члена РЛКСМ Семёновской организации, членский билет № 1061, Корнилова Бориса, едущего туда к родным на место жительства. Ответственный секретарь Семёновского укома РЛКСМ Потапов».

В январе 1926 года Борис Корнилов приехал в Ленинград. У него была одна мечта – показать свои стихи Сергею Есенину, но, к сожалению, в живых он его не застал. Борис жил у своей тёти, Клавдии Михайловны. Вскоре после приезда стал посещать заседания литературной группы «Смена», поступил на Высшие государственные курсы искусствоведения при Институте истории искусств. На заседаниях литературной группы Борис познакомился с Ольгой Берггольц, впоследствии ставшей знаменитой поэтессой, воспевшей героические дни блокированного немцами Ленинграда.

Борис Корнилов (слева) с сёстрами Лизой и Шурой. 1912 год

Борис Корнилов в кругу семьи

Из книги отзывов Музея города Семёнов: *«Привет, дорогой Боря! Вот и снова я у тебя в гостях. А помнишь, как в 1927 году, когда ты ещё не был мужем, а лишь возлюбленным Ольги Берггольц, мы спали с тобой под одним одеялом десять дней. А дружба наша, ты это помнишь, началась с писем – ты присылал их, а я отвечал. А познакомил нас заочно Павел Штатнов в 1925 году. Твой современник и почти ровесник Я. Шведов, тот самый, что сочинил текст к песне “Орлёнок”, написанный мною в 1936 году»*

Это запись от 28 июня 1977 года Виктора Белого, композитора – автора музыки к первоначальному тексту «Орлёнка».

Павел Штатнов – нижегородский поэт. Будучи в Семёнове в 1925 году, встретился с Борисом Корниловым и порекомендовал ему прислать в редакцию губернской молодёжной газеты «Молодая рать» стихотворение «На моря», где оно было опубликовано. Павел Петрович Штатнов в 1943 году был репрессирован. Умер 14 апреля 1945 года в Буреполоме, в лагере. Реабилитирован посмертно.

А вот и другая запись: *«В меня влюбился один молодой поэт, Борис К. он был некрасив, невысок ростом, малокультурен, но стихийно, органически талантлив... Был очень настойчив, ревнив чудовищно, через год примерно, после первого объяснения, я стала его женой»,* – писала Ольга Берггольц.

В январе 1928 года состоялась свадьба Ольги и Бориса. Молодые поселились в доме родителей Ольги по адресу: г. Ленинград, Володарский район (Невская застава), Палевский проспект, дом 6, квартира 6. Они занимали комнату на втором этаже. Одно окно их комнаты было по фасаду дома, а второе – на боковой стороне. Этот дом был построен в 1902 году дедом Ольги Х.Ф. Берггольц

В 1918 году дом был национализирован, но бывшим хозяевам выделили комнаты для проживания. В зимнее время 1942–1943 годов дом был разобран на дрова.

Брак был недолгим: в январе – феврале 1930 года Ольга и Борис расстались. Борис стал жить отдельно.

В тридцать седьмом году вышло секретное постановление ЦК Партии за подписью

Б. Корнилов и О. Берггольц
в Керженском лесу

Сталина о начале борьбы с противниками советской власти. На основании этого Постановления был издан приказ наркома внутренних дел Ежова.

Справка: Приказ наркома № 00447 от 31.07.1937 года. Согласно этому приказу каждая область Советского Союза получила разнарядку на уничтожение «врагов народа» по категориям: 1 категория – расстрелы и 2-я категория – отправка в лагеря смерти. На каждую область спускался план с указанием количества людей, подлежащих уничтожению через расстрелы и лагеря смерти. Если область выполняла свой план досрочно, просили «спустить» документальный лимит – список выявленных в ходе операции врагов.

В эту мясорубку попал и Борис Корнилов – поэт, уроженец города Семёнов Горьковской области, живший в то время в Ленинграде.

Ефимов погрузился в документы, которые искал не один год. Следственное дело № 23229 по обвинению Корнилова Бориса Петровича находилось теперь в руках Карпа Васильевича. Его следственное Дело, на обложке которого написано: «Хранить вечно».

Радость и боль переполняли сердце краеведа с одинаковой силой. Девяносто два листочка Дела Бориса Корнилова жгли ладони. На последнем листке был акт приведённого в действие приговора

Справка: Борис Петрович был арестован 20 марта 1937 года, а 20 февраля 1938 года состоялся суд, который приговорил его к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведён в исполнение в тот же день в Ленинграде.

Документом под № 1 являлось Постановление от 19 марта 1937 года, в котором говорилось:

«Оперуполномоченный младший лейтенант государственной безопасности Лупандин, рассмотрев материал и приняв во внимание, что гражданин Корнилов Б.П. 1907 года рождения, уроженец горьковского края, русский, гражданин СССР, литератор, достаточно изобличается в том, что он занимался активной контрреволюционной деятельностью, является автором контрреволюционных произведений и распространяет их, ведёт антисоветскую агитацию, постановил:

Гражданина Корнилова Б.П. привлечь в качестве обвиняемого по статье 58, пункт 10 и избрать содержание под стражей в ДПЗ³ по первой категории».

³ ДПЗ – дом предварительного заключения, где содержались особо опасные элементы. (Прим. авт.)

Каждая бумажка документов была пронумерована и разъяснена. Но почти через год на этом протоколе появилась резолюция синими чернилами: «Взятая в отдел разная переписка уничтожена. 13.03.1938 г.».

Карпа Васильевича удивило то, что, когда арестовывали поэта, он надел рубашку с запонками и галстуком. Значит, его земляк был уверен, что вернётся из этой поездки. На допросе поэт полностью подтвердил свои контрреволюционные взгляды. Цитирую материалы следственного дела:

«...К советской власти я относился отрицательно. В беседах с окружающими я высказывал свои контрреволюционные взгляды по различным вопросам политики партии и советской власти. Подвергал контрреволюционной критике мероприятия партии и правительства в области коллективизации сельского хозяйства, искусства и литературы и др. Кроме того, я являюсь автором ряда контрреволюционных произведений, к числу которых относятся: “Ёлка”, “Чаепитие”, “Прадед”. Во всех этих произведениях я выражал сожаление о ликвидации кулачества, давал контрреволюционную клеветническую характеристику советской действительности и восхвалял кулацкий быт.

Эти контрреволюционные произведения я читал среди писателей, артистов и художников».

Когда Борису Корнилову на суде дали последнее слово, он сказал: «Прошу суд учесть моё чистосердечное раскаяние и дать мне возможность стать полезным членом общества».

Не дали...

В архивной справке, полученной из управления КГБ по Ленинградской области, сказано:

«Как установлено, с июля 1937 года лица, приговорённые к высшей мере наказания, захоранивались в районе Левашовской пустоши под Ленинградом. В настоящее время свободный доступ на кладбище пока не производится». Свободного доступа на него не было пятьдесят два года, так как оно принадлежало НКВД-КГБ. Только в июле 1989 года кладбище было передано в специализированное производственное объединение при Ленинградском городском Совете, который своим решением признал его мемориальным. В ноябре 1989 года Ленинградское отделение «Мемориал» пригласило на кладбище священника, который провёл службу и освятил его. А в апреле 1990 года, в день Пасхи, был открыт свободный доступ граждан. С этого дня тайна Левашовской пустоши перестала быть тайной: сюда приходят люди, чтобы поклониться памяти жертв сталинских репрессий.

При первой возможности Карп Васильевич решил посетить эту пустошь, с которой он давно был знаком по документам. Электричка Санкт-Петербург-Выборг остановилась на станции «Левашово».

Подойдя к воротам кладбища, он увидел табличку: «Свободный доступ на кладбище с 9.00. до 18.00.» За воротами зелёного забора заасфальтированная небольшая площадка выглядела необычайно «свежо», как островок надежды среди непроглядной боли. Справа от калитки стоял небольшой домик, выкрашенный в зелёный цвет, с четырьмя большими окнами. До 1989 года в нём располагалась кладбищенская команда КГБ.

От дома в сторону ворот тянулся изолированный провод. Его конец был прикреплен к металлическому кольцу, находящемуся метрах в двух от забора. Это была сигнализация для вызова дежурного, которой пользовались приезжающие на спецавтомобилях. Слева находился тёсовый сарай, а рядом – клетка для собак. Возле неё, с внутренней стороны калитки, приставлена металлическая лестница с поручнем на шесть ступенек. Когда приехавшие дёргали за кольцо, звенел колокольчик, и дежурный поднимался по лестнице, чтобы убедиться, что приехали нужные люди.

– Вы к кому?

Ефимов вздрогнул, и, обернувшись, увидел широкоплечего, приземистого мужика с тяжёлым взглядом цепких глаз.

– Я из Нижнего Новгорода. Здесь покоится прах моего земляка, поэта Бориса Корнилова.

Мужчина кивнул и пошёл к центру кладбища.

– Видишь тот лес? Кладбище образовалось в 1937 году, в то время эти ёлочки были не более двух метров, – он тяжело вздохнул: видимо, было, что вспомнить. – Вишь, сколько песка насыпали на дороги? Машины приезжали тяжёлыми, со «страшным грузом», все дороги разбили. Их потом засыпали песком, как раны на дорожном теле, будто и их захоронили. Им тоже не сладко помнить такое, – он опять тяжело вздохнул.

Дорога петляла между деревьями. То там, то здесь торчали небольшие колышки, сантиметров по тридцать. Кое-где они достигали семидесяти сантиметров.

– Гниют колышки в земле, падают, втыкаем опять. Когда совсем сгнивают, новые вбиваем, – смотритель по-хозяйски поправлял свалившиеся «памятки», надавив на них крепкой рукой.

Колышки, как молчаливые свидетели, повсюду выглядывали из земли. Это были братские могилы. В них лежали плечом к

плечу десятки тысяч расстрелянных, ни в чём неповинных людей. Кладбище без могильных холмиков, без крестов и памятников. Одни колышки.

Карп Васильевич вспоминал о своём состоянии от пребывания на этом кладбище: «Под каким-то из этих колышков покоится прах Бориса Корнилова, – тягучее чувство беды заполнило всё сознание Карпа Васильевича. – Сколько светлых голов полегло тут! – Карп низко поклонился всем в пояс, не сумев справиться со слезами. Когда он в очередной раз кланялся погибшим, слёзы бороздили его щёки, капая на землю, укрывавшую эту людскую боль – зверские преступления над человеком. – Земля помнит каждый шаг этих людоедов, чтобы и мы не забывали о них. Вот и мои слёзы окропили вашу память, и мои страдания смешались с вашими, став неразделимой бедой ушедших и живущих».

На небольшой полянке в центре кладбища возвышался массивный деревянный крест с вырезанным распятием Христа.

– Крест установили в 1989 году, когда освящали кладбище. Да разве успокоить *ту* боль, что вырывается из-под земли протяжным неумолчным стоном! Будто сама земля плачет, – директор поправил крест и зашагал к валуну, покоившемуся в двух метрах от креста.

На деревьях висели таблички с именами погибших, прикрученные проволокой или ленточками. Карп привёз разобранный деревянный крест, но директор кладбища не разрешил ему установить его. После долгих с ним объяснений, крест разрешили поставить с помощью укосин. Он из своих запасов выделил гвозди и рейки и сам проводил Карпа, указав для этого место.

Вместо колышка установили крест, принесли три ведра песка и для большей прочности присыпали его основание. Песок замазкировали еловыми ветками. Рядом с крестом оказался пенёк, на торец которого прибили фанерный лист. На этот маленький столик Карп выложил свечи и томик стихов Бориса Корнилова. К ним потянулись люди. Первую свечку поставила десятилетняя Катя Кукушкина. Подошли две женщины, одна из них взяла сборник стихов поэта.

– Я знаю стихи Бориса Корнилова, они мне нравятся.

Положив томик, она поставила свечу на крест. Подошли ещё две женщины. Они оказались сёстрами Прокофьевыми из города Отрадное, – приехали почтить память дедушки и отца, расстрелянных в 1937–1938 годах. По общему счёту на кресте горела 31 свеча: столько лет прожил Борис Корнилов. Такие совпадения не бывают случайными.

Оставшись один, Карп достал маленькую детскую лопатку, и, быстро раскопав у креста, набрал земли. У него было задание сестры Бориса Корнилова – Александры Петровны, и просьба районного Краеведческого Музея: привезти земли с могилы поэта. Он долго стоял, перебирая в памяти короткую жизнь Бориса, восстановленную им по документам. Все события, вся жизнь поэта вошла в его память и навечно срослась с его мыслями и его жизнью.

Справка: Площадь кладбища – одиннадцать гектаров. Из них шесть с половиной – «владения» смерти. На них захоронены, а точнее сказать, брошены и закопаны 46771 человек, из которых 40485 – безвинных. Нетрудно подсчитать, сколько людей приходится на каждый гектар, на каждый квадратный метр.

– Страшно подумать! – поведал директор кладбища. – Меня, молодого лейтенанта, отправили служить сюда, – он закашлялся, высморкавшись, заговорил с надрывом, – а потом сам не смог уйти отсюда. Не могу их бросить: я и свидетель, и их память. Да и мою память никуда не деть, вот и живём так: они – там, а я – здесь.

– Странно, подумал Карп о магии чисел, – кладбище в Левашово имеет одиннадцать гектаров земли: одиннадцать лет Борис Петрович жил в Ленинграде, за это время издал одиннадцать книг, одиннадцать месяцев длилось следствие.

– Кладбищенский забор, установленный в 1937 году, обветшал, и его заменили в 1972 году, – услышал Карп опять голос директора. – Хитро строили, сначала поставили новый вокруг старого, только потом убрали старый, – он тяжело вздохнул, – думали, что спрячут преступления за забором, думали, навечно пришли к власти, и памяти не будет у людей. Охо-хо, да и память уничтожали, не приведи Господь, как, – страж порядка кряхтел, как старый трактор с изношенными рессорами. – В тридцать седьмом перед первым захоронением, кладбищенской команде поручили выкопать яму, землю из ямы заставили разровнять. Когда привезли первых расстрелянных и бросили в яму, то трупы засыпали землёй, взятой рядом. Благодаря такой рационализации, всегда была готова яма для следующего поступления. Хочешь, я тебя познакомлю с людьми, которые в 1937 были ещё ребятами и жили здесь? – Мужчина остановился возле Карпа. – Они как-то ночью решили подсмотреть: что это делается за забором, что привозят в закрытых фургонах? Притаившись в укрытии, ребята увидели, как фургон подъезжал к самому краю огромной ямы, задняя стенка открывалась, и люди в фартуках, резиновых сапогах и перчатках сталкивали специальными крюками один за другим в яму голые тела.

Справка⁴: Дмитрий Шостакович посвятил свою седьмую симфонию своим друзьям, проживавшим с ним в одном доме и сгинувшим в страшном Терроре того времени⁵. Дом имел пять этажей. В начале 30-х годов достроили ещё два этажа, предназначавшихся для литераторов. На четвёртом этаже жил Борис Корнилов со своей второй женой Людмилой (настоящее имя Ципа) Борнштейн. Семейным литераторам выделялись комнаты, в зависимости от состава семьи. Борис с Ципой получили две комнаты под номерами 123 и 124. Входная дверь в 124 комнату была заделана, а номер снят. Получилась двухкомнатная квартира под номером 123. То же самое было с квартирой Ольги Форш, Михаила Зощенко – соседей Корнилова. Михаил Зощенко и Ольга Форш добились, чтобы им отошло по одной комнате Бориса Корнилова. Так они пытались сохранить квартиру для своего друга-соседа. Но Борис не вернулся. Кроме Корнилова из этого дома были арестованы: Борис Житков⁶, Стенич, сын и дочь Ольги Форш⁷, Заболоцкий, Олейников, Введенский⁸. Все эти люди были друзьями Дмитрия Шостаковича. «Вся моя музыка, начиная с шестой симфонии, – это реквием по

⁴ В приведённой «справке» содержится ряд неточностей, неисправленных автором. В 1935–1937 гг. Борис Корнилов со второй женой жил в Ленинграде по адресу: набережная канала Грибоедова, 9 – дом Придворного конюшенного ведомства («писательская надстройка»). Адреса Дмитрия Шостаковича в Ленинграде: 1914–1934 – Николаевская улица, 9, кв. 7; 1934 – осень 1935 года – Дмитровский переулок, 3, кв. 5; осень 1935–1937 – дом Рабочего жилищно-строительного кооперативного товарищества работников искусств – Кировский проспект, 14, кв. 4; 1938 – 30.09.1941 года – доходный дом Первого Российского страхового общества – Кронверкская улица, 29, кв. 5. (*Прим. ред.*)

⁵ Седьмая «Ленинградская» симфония Д. Шостаковича, начатая в осаждённом Ленинграде в 1941 году и законченная в декабре 1941 года в Куйбышеве, имеет посвящение: «Нашей победе над фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему любимому городу Ленинграду, я посвящаю свою седьмую симфонию» (Д. Шостакович). (*Прим. ред.*)

⁶ Борис Степанович Житков репрессирован не был. Он умер от рака лёгких в 1938 году. (*Прим. ред.*)

⁷ Автор не приводит источник информации об аресте сына и дочери Ольги Форш. Весьма вероятно, что она недостоверна. Ольга Форш награждена двумя орденами Красного знамени (1939 г.). Была репрессирована племянница писательницы – поэтесса Нина Петровна Хабиас, отбывавшая наказание Сиблага с 1937 по 1942 год, однако она не жила в Ленинграде. (*Прим. ред.*)

⁸ Александр Введенский выслан в ссылку в 1932 году в Курск. После разрешения вернуться в Ленинград до 1936 года жил на Съезжинской улице д. 7, в 1936 году уехал в Харьков. В 1941 году при подходе немцев был арестован и отправлен в Казань. По дороге умер от плеврита. (*Прим. ред.*)

погибшим моим друзьям». Цитата взята из исследовательского архива К. Ефимова, сделанная им после посещения Государственного Архива г. Горького.

Карп Васильевич рассказывал, что Таисия Михайловна Корнилова – мать поэта – жила в Семёнове в небольшом домике по улице Учительская, выстроенном в 1947 году. В то время на соседней улице находился детский дом, в котором работал Ефимов. «Она часто проходила мимо детского Дома, – рассказывал Карп Ефимов, – вид её был каким-то потерянным во всём, она вызывала жгучую потребность помочь ей в её одиночестве. Я предложил ей помощь, и она согласилась. Мы с ребятами стали посещать Таисию Михайловну Корнилову. Если ей требовалась срочная помощь, она писала записку и отдавала её проживающим рядом местным ребятишкам. Те относили записку в почтовый ящик на улицу Спортивная, дом 36-а, являющимся адресом детского дома. Так я знал, чем могу с ребятишками помочь матери поэта».

После войны Ольга Берггольц и Таисия Михайловна обращались в прокуратуру Ленинградского военного округа с ходатайством о реабилитации бывшего мужа и сына. В январе 1957 года Таисия Михайловна, наконец-то, получила ответ. «Дело по обвинению Б.П. Корнилова пересмотрено в военной комиссии Верховного суда СССР 5 января 1957 года. Приговор военной комиссии от 20 февраля 1938 года в отношении Корнилова Б.П. по вновь открывшимся обстоятельствам отменён, и дело за отсутствием состава преступления прекращено, Корнилов Б.П. реабилитирован посмертно».

Письма в дом Корниловых шли непрерывным потоком. Из правления Ленинградского Союза писателей сообщили, что Борис восстановлен в правах члена Союза писателей.

А Карп Ефимов продолжал свои исследования. В Ленинграде познакомился с архивом Михаила Петровича Берновича – ленинградского поэта, друга Бориса Корнилова. Ему, вторая жена Бориса – Ципа, отправила в Ленинград рабочие тетради своего мужа, для ознакомления с новыми стихотворениями. Карп Ефимов, обнаружил среди архивного материала эти две рабочие тетради Бориса Корнилова. На одной из тетрадей с внутренней стороны был написан шуточный автограф: *«От поставщицы бумажных изделий для Бориса Корнилова. Зинаида Райх»*. Эта чистая тетрадь была подарена в сентябре 1934 года Борису Корнилову для новых творений. Бывшая жена Сергея Есенина была знакома с Борисом Корниловым! В одной из этих тетрадей, среди стихотворений, на одной из страниц, Карп Васильевич обнаружил автограф Гели Маркизовой.

Белгалис и К.В. Ефимов

Вверху страницы было печатными буквами написано: «Дяде Боре», ниже наклеен портрет, а под ним надпись: «Геля Маркизова» – девочка-бурятка была взята её отцом в Кремль, где была сфотографирована вместе со Сталиным. «Январь 1936 г. гостиница «Балчуг».

После выхода газеты все соседи с восхищением смотрели на девочку, старались пригласить её в гости и угостить чем-нибудь вкусным. Борис Петрович Корнилов тоже приглашал Гелю в гости. Он прибыл делегатом на Всесоюзное совещание в

Кремль, как и отец Гели (второй секретарь бурятского обкома партии, прибывший с делегацией из Бурят-Монгольской АССР во главе передовиков производства. Жену и дочь Гелю устроил на проживание в гостиницу). Борис Корнилов и его жена Ципа Григорьевна, угощали девочку сладостями и подарили ей книжку-сказку «Как от мёда у медведя зубы начали болеть» с автографом автора. Они жили в той же гостинице, где остановилась Геля со своей мамой.

Вернёмся немного назад. День 29 июля 1967 года в Семёнове был особенно жарким. В 12 часов дня все горожане собрались возле детского Дома пионеров: здесь была произведена закладка камня на месте будущего памятника поэту Борису Корнилову, расстрелянному в 1938 году. В местном кинотеатре проводилось собрание общественности в честь 60-летия со дня рождения Бориса Корнилова. А сам памятник Б.П. Корнилову был открыт в декабре 1968 года. На открытие съехались первые комсомольцы из Горького и других городов. В 1987 году памятник был перенесён на площадь, названную именем поэта. Памятник из розового гранита ваял народный художник РСФСР Анатолий Бичугов, страстно влюблённый в корниловскую поэзию.

Карп Ефимов привёз с могилы Бориса Корнилова землю: одну пробирку с землей они захоронили под памятником, сотворённым поэту. Вторую отдали в Краеведческий Музей, а третью

Памятник Борису Корнилову в г. Семёнове

забрала его сестра, Александра Петровна, жившая в городе Семёнове и работавшая в школе.

Память о поэте Борисе Корнилове увековечена: есть памятник поэту в г Семёнове, экспозиция в Семёновском историческом музее, улица в Нижнем Новгороде и даже... электричка с именем Бориса Корнилова! Немалая заслуга в этом принадлежит К. Ефимову, который родился в СССР в 1924 году и посвятил свою жизнь краеведению, в том числе и исследованию жизни своего земляка. Щепетильность Карпа Ефимова в расследовании каждого дела накладывала на них особый отпечаток: он искренне и с пониманием относился к судьбам людей. Ясность выбранной цели, стремление «откопать» безнадежных, давно сгинувших во Времени, придавали его душе особое горение.

До знакомства с К. Ефимовым я не подозревала, что придёт время, и я так близко соприкоснусь с жизнью и творчеством замечательного поэта – Бориса Корнилова. Я захотела побывать в Санкт-Петербурге и посетить кладбище на Левашовской пустоши. Пропустив через своё сердце все события того времени, я волновалась, стоя перед воротами кладбища. Я отыскала кольцо – «смертоносная» сигнализация находилась на месте. За воротами меня встретила миловидная женщина, проводившая к мемориальной доске Бориса Корнилова. Она объяснила, что мраморную плиту сюда привёз Карп Ефимов.

– Не знаю, почему Карп Васильевич выбрал это место? Душа, видно, подсказала. Кто ж его знает, в каких ямах-могилах зарыт

тот или иной человек? Эта земля переполнена горем, – дотронувшись до моего плеча, женщина заторопилась, – не буду мешать.

Оставшись одна, я огляделась. Слезы хлынули из глаз. Сквозь слёзы я пела и читала свои и стихи Бориса Корнилова. Так захотелось, чтобы он услышал меня и понял, что его Дело живёт, что миллионы поэтов, как он когда-то, лечат своим Словом души, держат духовную силу, как флаг, не выпуская из рук. И песни, звучавшие на стихи Бориса Корнилова, зарождают в душах творческую силу, чтобы родившись новым Поэтом нашей многострадальной Матушки-Руси, прославлять её Словом, и спасти творческой силой тысячи других душ. Ведь спасённая душа, спасёт ещё тысячи.

Список использованной литературы

1. Версия. – 20–26.II.2006. С. 9.
2. Депортация. Берия докладывает Сталину ... // Коммунист, 1991, № 3. С. 107.
3. Ефимов К. В. Приют в Ленинграде//Семёновский вестник 28.07.2007.
4. Ефимов К.В. Семёнов литературный. – Семёнов. 2006
5. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: “Их надо депортировать...”: Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992.
6. «И синь Семёновских лесов». Юбилейный венок Борису Корнилову. – Н. Новгород, 1997
7. Крым многонациональный. Вопросы и ответы. Вып. 1./Сост. Н.Г. Степанова. Симферополь: Таврия, 1988
8. О мерах наказания репрессируемых. И количество подлежащих репрессии.//Московский комсомолец. 01.10.2000.
9. Национальная политика России: история и современность. М.: Русский мир. 1997.
10. Семёновский вестник 18.07.1992.
11. Торчинов В.А., Леонтьев А. М. Вокруг Сталина. // Историко-биографический справочник. Санкт-Петербург, 2000
12. Государственный Архив г. Горького
13. «Дело Корнилова» – Управление КГБ Ленинградской области